

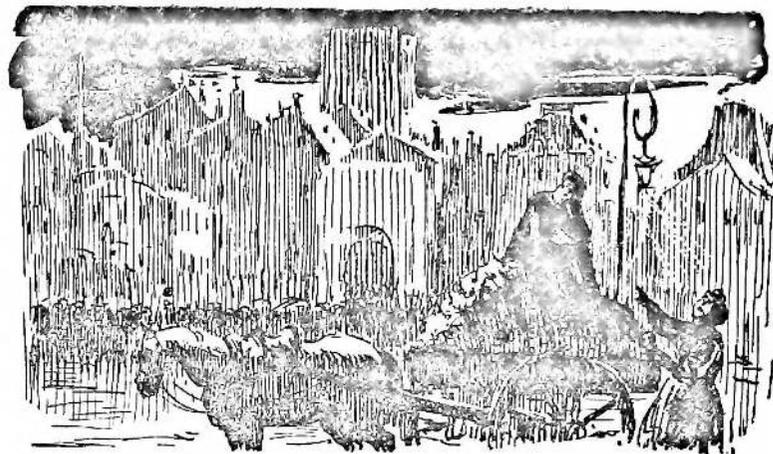
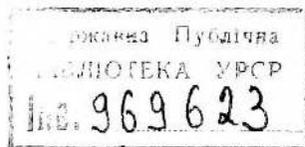
Э. ЗОЛЯ

ЧРЕВО
ПАРИЖА

Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1949

В0409330

Перевод с французского
А. ЛИНДЕГРЕН и М. ЭЙХЕНГОЛЬЦА

I

В глубокой тишине пустынного шоссе повозки огородников поднимались к Парижу под ритмичный стук колес, который отдавался гулким эхо, отражаясь от фасадов домов, дремавших по обеим сторонам дороги за неясными очертаниями вязов. На мосту Нейльи к спускавшимся из Нантера восьми возам с репой и морковью присоединились повозка с капустой и повозка с горохом. Лошади шли без понукания, понутив голову, размеренным, ленивым шагом, который еще более замедлялся подъемом. Вверху, растянувшись плашмя на овощах и не выпуская из рук вожжей, дремали зеленщики, укрытые плащами в мелкую серую с черным полоску. Временами, выступая из мрака, газовый фонарь освещал то гвозди башмаков, то синий рукав блузы, то край фуражки, мелькавшие среди пышного цветника красных пучков моркови, белых пучков репы, густой зелени капусты и гороха, которые до краев заполняли повозки. По этой и по соседним дорогам, впереди и позади, раздавался скрип колес, возвещавший о приближении таких же повозок, целого обоза; он тянулся в потемках, среди крепкого предрассветного

«Ведь, в сущности, нас только трое, мой толстяк, нас только трое».

В раскрытии истинной сущности внешне «порядочного» буржуа заключается огромное разоблачительное значение романа. Автор сумел показать тупость, моральную опустошенность буржуа, проявляющиеся во всех их поступках, коварство и жадность. Характерны слова Клода Лантье, заключающие роман: «Какие же, однако, негодяи все эти порядочные люди!»

Супругам Кеню и их единомышленникам Золя противопоставляет республиканца Флорана. В декабрьские дни 1851 года он был сослан в Кайенну. По прошествии нескольких лет Флоран бежал, скитался по Голландской Гвиане и, почти умирая от голода, возвратился в Париж.

Он входит в дом супругов Кеню, нарушая тишину и покой буржуазного семейства. Его устраивают работать инспектором на Центральном рынке. Одновременно он принимает участие в кружке «людей с убеждениями», собирающихся в кабачке Лебигра. Его вводит сюда приятель Гавар. «Люди с убеждениями» совершенно безопасны для правительства Луи-Наполеона Бонапарта. Это или мечтатели, подобные Флорану, такие, как преподаватели Шарве и Клеманс, или возмущающиеся, замученные нуждой, но, по существу, беспомощные труженики, как Логр. Горячие споры ведутся в присутствии предателей Лебигра, его служанки Розы, провокатора Робина. Ведя речи о преобразовании строя, «люди с убеждениями» оказываются, по существу, совершенно не знающими жизни, далекими от мысли о революционном изменении существующих порядков.

Флоран, стоящий вне закона бедняк, чужд семье колбасников, чужд всем тем, кто живет интересами Центрального рынка.

Ему присущи честность, благородство, выгодно отличающие его от лживых буржуа Саже, Лекёра, Мегюдена, Лебигра и др. Но вместе с тем Золя относится к нему подчеркнуто иронически. Добрый, прекраснородный мечтатель Флоран далек от жизни, от практических действий. Рассказывая о прошлой жизни Флорана, о днях его юности и формировании его мировоззрения, Золя отмечает случайность его республиканских убеждений:

«Ему понадобилось много времени, чтобы покориться судьбе и безропотно переносить страдания человека некрасивого, посредственного и бедного. Желая подавить в себе вспышки злобы, Флоран бросился в другую крайность, предался идеальной доброте, стал мечтать о совершенной справедливости и правде. В этот период своей жизни он стал республиканцем. Он вступил в респуб-

лику, как девушки, отчаявшиеся в жизни, принимают монашество. Но, не находя в республике достаточно хладнокровия и спокойствия, чтобы утолить свои страдания, он создал себе свою собственную идеальную республику... Убаюкать себя, уснуть, видеть во сне, что он вполне счастлив и что мир идет к счастью, строить республиканский город, где ему хотелось бы жить, — вот на чем отдыхал Флоран, вот к чему он постоянно возвращался в свободные часы».

Но, развенчивая Флорана, Золя не в состоянии противопоставить ему образ настоящего революционера. Не поняв всемирно-исторического значения Парижской коммуны, революционной борьбы пролетариата, Золя оказался беспомощным в типизации людей революционного действия.

Образ Флорана, как и образы Шарве, Клеманса, выглядели пародией на революционеров и свидетельствовали о неспособности даже таких крупных буржуазных художников, как Золя, правильно обобщить исторические события, что объяснялось не только субъективными взглядами писателей, но и общим кризисом буржуазной идеологии, начавшейся после революции 1848 года.

Тем не менее роман Золя «Чрево Парижа» принадлежит к числу тех значительных произведений буржуазной литературы, в которых дается правдивое и гневное описание нравов тупой, корыстной буржуазии, ставящей превыше всего свои личные интересы.

Читая роман, советский читатель невольно вспомнит о тех кругах реакционной французской буржуазии, которая и ныне с такой же эгоистической наглостью предаёт интересы французского народа, как это было во времена Второй империи.

К. Зубарева